

От любви рождаются тревоги

Господин Фан, судя по всему, был не понаслышке знаком с прямолинейностью Чжан Вэньхяя, а потому не выказал ни тени недовольства его бестактным замечанием. Он лишь тяжело вздохнул и сокрушенно произнес:

— Думаете, мы сами не гадали, не идет ли дом вразрез с его судьбой? С тех пор как здоровье Цзиньяна пошатнулось, мы за последние два года трижды меняли жилье. Но, увы... всё без толку.

В голове Чу Цы мгновенно мелькнула мысль:

«Раз дело не в фэншуй, значит, виной всему людской умысел?»

Перед его внутренним взором тут же пронеслись картины семейных распрей, интриг и предательств ради наживы.

Юноша принялся осторожно расспрашивать о порядках в семье, и вскоре его подозрения рассеялись. Оказалось, что у старейшего поколения Фанов было четверо сыновей и две дочери. Отец Фан Цзиньяна был старшим из братьев, но сам Цзиньян оказался младшим среди всех детей в семье.

Его мать родила его лишь спустя семь-восемь лет брака. Благодаря тому, что старики Фан были людьми широких взглядов, а сам Господин Фан души не чаял в супруге, всё обошлось. В любой другой семье женщину, не способную родить наследника так долго, либо выставили бы за дверь, либо привели бы в дом наложницу.

Старики Фаны были добры даже к чужим детям, а уж своих и вовсе баловали, стараясь никого не обделять. В их доме всегда царил мир и согласие. Много лет назад дед Цзиньяна, рассудив, что дерево при разрастании должно разделять ветви, выделил каждому сыну по доле, а сам остался доживать век в семье старшего.

Выходило, что губить Фан Цзиньяна ради выгоды было попросту некому.

— Сын пришел в себя, навестите его, — Госпожа Фан смахнула слезу. — С тех пор как очнулся, всё лежит и смотрит в потолок, ни слова не вымолвил. Сердце за него болит.

Он был её единственным ребенком. Если с ним что-то случится, как им с мужем доживать свой век? К счастью, дедушка с бабушкой ушли в храм молиться о его здравии, иначе и они бы места себе не находили.

Чу Цы вошел в комнату друга. Внутри было нечем дышать — окна стояли наглухо закрытыми, не пропуская ни малейшего дуновения свежего воздуха. Судя по всему, их открывали крайне редко.

— Цзиньян, ты должен взять себя в руки, — Чжан Вэньхай присел на край кровати, мягко уговаривая друга. — Ты просто занемог, с кем не бывает? В следующем году обязательно сдашь.

Фан Цзиньян не повернул головы, лишь по его щеке скатилась слеза.

— И в следующем не сдам. Три года подряд... Одно и то же. В этот раз я верил, что справлюсь, даже чувствовал себя лучше. Но на экзамене в голове вдруг всё поплыло. Когда пришло время проверки, я увидел... увидел, что пропустил одну задачу по «Цзючжан»...

— Я не оправдал надежд родных. Подвел Брата Чу, который столько времени тратил на меня. Подвел тебя, Вэньхай.

Он смотрел в потолок пустым взглядом, и голос его, тихий и безжизненный, пугал куда больше громких рыданий.

Чу Цы видел, что душевное состояние друга резко ухудшилось. Прежде Фан не питал особых иллюзий, а потому и разочарование его было не столь горьким. Но в этот раз подготовка дала ему надежду, и столкновение с реальностью оказалось сокрушительным. Если не вытащить его из этого состояния сейчас, всё может перерасти в депрессию.

Юноша присел рядом и спросил:

— Брат Фан, вспомни хорошенько: не случилось ли за последние два дня чего-то необычного? Я ведь знаю твоё состояние. Ты два месяца прилежно занимался со мной «Уцинсьи», твоё тело окрепло, ты не должен был так легко сдаться. В твоём внезапном жаре кроется нечто странное.

Последние слова Чу Цы произнес едва слышно, желая лишь одного — переключить внимание Цзиньяна на внешние обстоятельства. И это сработало. Больной повернул голову. До этого он винил лишь себя, но мысль о том, что причина может быть извне, заставила его задуматься.

Чжан Вэньхай тоже вытаращил глаза. Ему вдруг показалось, что от стен комнаты повеяло могильным холодом — его воображение тут же связало «странности» с чем-то потусторонним. Двое друзей не стали обращать внимания на этого шутника, и Фан Цзиньян начал вспоминать.

— Десятого числа мы расстались с Кочжи, — заговорил он. — Получили документы и разошлись по домам. Из-за моего здоровья еда дома всегда была легкой. Я поел, немного почитал в кабинете и лег спать. Одиннадцатого всё было так же. А двенадцатого утром, когда

пришло время идти на экзамен, я встал с кровати — и вдруг голова закружилась. У меня и раньше такое бывало, я не придавал значения. Кто же знал, что это начало лихорадки?

Фан замолчал, с отчаянием осознавая, что всё снова сводится к его собственной слабости.

— Брат Фан, истина часто кроется в мелочах. Вспомни еще раз, до мельчайших деталей. Любое, даже самое незначительное отличие от привычного распорядка может стать ключом.

Цзиньян нахмурился, мучительно восстанавливая в памяти события тех дней.

— Разве что... ночи стали холоднее? Сяо Цуй сказала, что это «весенние заморозки», и принесла мне второе ватное одеяло. Позавчера я проснулся посреди ночи и увидел, как ветки деревьев за окном неистово качаются. Подумал тогда, что и впрямь похолодало.

— Да брось, — покачал головой Вэньхай. — Погода за эти дни почти не менялась. Я вчера ночью долго не мог уснуть, гулял по двору — было совсем не холодно.

— И еще... Обычно в моей комнате всегда горят успокаивающие благовония. Но когда я вернулся в полдень того дня, мне вдруг стал противен их запах. Я велел служанке их потушить. Девушка долго меня отговаривала, но я настоял. Два дня мы их не зажигали. Может, из-за этого я и занемог? — Фан Цзиньян с горечью вздохнул. Знай он, чем это обернется, не стал бы капризничать.

— А кто такая Сяо Цуй? — Чу Цы заметил, что это имя звучит слишком часто.

— Дочь моей кормилицы. Мы выросли вместе, она заботится о мне, словно старшая сестра. Сейчас она как раз ушла заваривать мне лекарство.

Юноша кивнул и поднялся.

— Брат Фан, те деревья, что качались за окном... из какого окна их было видно?

Цзиньян указал на правое окно. Когда Чу Цы подошел и распахнул створки, сердце больного екнуло — он тоже начал о чем-то догадываться.

Чу Цы внимательно осмотрел раму и, подцепив пальцами крохотный обрывок раздавленного листа, застрявший в щели, вернулся к кровати. Лист был смят, сквозь кожуцу проступала зеленая мякоть, а в воздухе разлился едва уловимый аромат, оставшийся здесь, скорее всего, в последние пару дней.

— А теперь позволь мне взглянуть на те самые благовония.

Руки больного задрожали. Он указал на верхнюю полку шкафа. Чу Цы достал коробочку и поднес её к носу Чжан Вэньхай. Тот шумно втянул воздух и тут же оглушительно чихнул.

— Фу, ну и гадость! Приторно-то как.

— Это «Успокаивающие благовония», — пояснил Фан. — Матушка пару лет назад видела, как я мучаюсь бессонницей, и выпросила их для меня в храме Шанцин. Лекарь их осматривал: обычные травы и корни. С ними я и вправду сплю крепче.

Юноша отсыпал немного порошка в бумагу и спрятал за пазуху.

— Я скоро вернусь. Брат Чжан, присмотри за ним. И самое главное — не давай ему пить лекарство.

Вэньхай хотел было спросить «почему», но его собеседник уже исчез за дверью.

— Вечно он так... Ну и куда его понесло? Цзиньян, ты не знаешь... Эй, что с тобой? — Вэньхай обернулся и замер: лицо друга исказила странная гримаса — не то скорбь, не то болезненное озарение.

Чу Цы обошел несколько аптек. Лекари, понюхав порошок, подтверждали: состав знакомый, успокаивает неплохо. Лишь один старый аптекарь, долго принюхиваясь, с сомнением проговорил:

— Успокаивающее, это верно... Но вот Цзюли-сяна и Хуанбая тут положено сверх всякой меры. Оттого и запах такой приторный, тяжелый.

— Цзюли-сян и Хуанбай? И что будет, если их слишком много? Только запах испортится?

— И то, и другое полезно при сердцебиениях и бессоннице. Но если переборщить, человек теряет бодрость, становится вялым и сонным. Впрочем, беды в том большой нет — стоит прекратить курения, побольше двигаться, и дурман сам выйдет.

— Благодарю вас, мастер! — он поклонился.

Вернувшись в дом Фанов, юноша застал дверь в комнату Цзиньяна распахнутой. Внутри Чжан Вэньхай с кем-то спорил.

— ...Сяо Цуй, я же сказал: он пока не будет это пить. Просто оставь чашу.

— Господин Чжан, ну почему же? — в голосе девушки слышались слезы. — Лекарство нужно пить горячим. Пожалуйста, не мешайте мне заботиться о молодом господине.

Чу Цы, не глядя на них, подошел к кровати и прошептал несколько слов на ухо Фан Цзиньяну. Глаза того расширились, а затем он бессильно откинулся на подушки, словно из него выпустили весь воздух.

— Что здесь происходит? Сяо Цуй, почему сын еще не выпил лекарство?

— Госпожа! — служанка бросилась к вошедшей матери Фана. — Господин Чжан не подпускает меня к молодому господину!

Госпожа Фан ласково погладила её по руке, успокаивая, и повернулась к гостям:

— Господа, я безмерно благодарна вам за заботу о сыне. Но уже поздно, вы провели здесь весь день и наверняка устали. Мы накрыли стол в зале, прошу вас, идите поешьте.

— Сяо Цуй... за что ты так со мной? — раздался тихий, ледяной голос с кровати. Фан Цзиньян сидел, подпираемый подушками, и не мигая смотрел на девушку.

Та не успела ответить, как Госпожа Фан всплеснула руками:

— Сын, что за чепуху ты несешь? Сяо Цуй ходит за тобой с пеленок, как она может причинить тебе вред?

— Матушка, прошу, помолчи. Сяо Цуй, смотри мне в глаза. Отвечай: зачем ты это сделала! — Фан разволновался, голос его сорвался на кашель.

Служанка хотела было подойти и хлопнуть его по спине, но он резко отшатнулся. Девушка поникла, в её глазах заблестели слезы.

— Молодой господин, вы ошибаетесь... Я никогда бы не обидела вас, видит небо. Не знаю, чьи наветы вы слушаете, но мы ведь выросли вместе. Какая у меня может быть причина желать вам зла?

— Знаешь, еще утром я и сам тебе верил. Считал, что во всем виновата моя злая доля. Но после слов Брата Чу я вспомнил всё, что случилось со мной за эти годы. И понял: всё это время я грел на груди змею, — в голосе Цзиньяна, обычно мягком и вежливом, зазвучала такая непривычная ярость, что присутствующим стало не по себе.

— Три года назад, перед моим первым уездным экзаменом, меня вдруг скрутило так, что я не мог отойти от нужника. Лекарь сказал — съел что-то не то. Я заставил себя пойти, но на

полпути просто рухнул от слабости. А ты в те дни всё поила меня отваром из зеленых бобов — говорила, что это «для ясности зрения». Лишь позже я узнал, что бобы эти холодят нутро, и тем, кто слаб желудком, их давать нельзя.

— Молодой господин, я...

— После той неудачи я тяжело заболел. От тревоги не мог уснуть, и тут твоя мать «случайно» прослышала про чудодейственные благовония в храме Шанцин. Два года я засыпал под их аромат, но с каждым днем становился всё слабее. Перед каждым испытанием на меня наваливалась такая дремота, что я не мог соображать. Лекарши лишь разводили руками — мол, природа такая.

Фан Цзиньян горько усмехнулся.

— Удивительно: стоило мне уехать из дома на пару дней, как силы возвращались. Но едва я переступал порог — болезнь настигала вновь. А ты говорила мне: «Это потому, что ты не зажег благовония». Ты даже передала успокаивающие благовония Ши-тоу, чтобы он зажигал их для меня каждую ночь, когда я вернусь от Вэньхая.

— В доме Чжанов я прожил два месяца. Вэньхай не выносит резких запахов, и я велел Ши-тоу не трогать коробку. Я занимался с Чу Цы, гулял, и за всё это время ни разу не занемог! Напротив, я чувствовал, как ко мне возвращается жизнь.

— Позавчера ты пришла в мою комнату. Когда я отказался от курений, ты запаниковала. Умоляла меня «подумать о здоровье», даже матушку помянула. А когда поняла, что я не уступлю, сослалась на холод. Принесла второе одеяло, а сама тайком открыла окно и потушила жаровню. Ты не знала, что я проснулся ночью. Увидел открытое окно, а наутро — оно снова было заперто наглухо. Даже тогда я ни в чем тебя не заподозрил. Я не мог и помыслить, что после стольких лет дружбы ты решишь меня сгубить.

В комнате воцарилась тяжелая тишина. Чжан Вэньхай и Госпожа Фан слушали, затаив дыхание. Чу Цы лишь молча кивнул — его догадки подтвердились. Сяо Цуй разрыдалась, упав на колени.

— Молодой господин, поверьте мне... Я не хотела вам зла... Я просто... просто не хотела, чтобы вы сдавали этот проклятый экзамен!

Раздался хлесткий звук пощечины. У Госпожи Фан тряслись руки.

— Чем мы обидели вас с матерью? А? За что ты так возненавидела нас, что решила извести моего сына?

— Госпожа, нет... Я лишь хотела всегда быть рядом с ним. Я не хотела его смерти...

Сяо Цуй была всего на месяц старше Фан Цзиньяна. Когда она родилась, её отца забрали в солдаты. В те годы шла война, и из десяти ушедших домой не возвращался почти никто. Оставшись без кормильца в голодный год, её мать пришла на рынок и, встав на колени, предложила себя в услужение. У Госпожи Фан как раз родился первенец, но после тяжелых родов у нее совсем не было молока. Так мать Сяо Цуй стала кормилицей Цзиньяна.

Фаны всегда были добры к ним. Всё, что было у маленького Цзиньяна, он делил с девочкой, искренне считая её сестрой. Когда ей исполнилось одиннадцать, хозяева даже вернули им вольные, чтобы они могли купить землю в родной деревне и жить своим домом. Но те отказались уходить, поклявшись вечно служить своим благодетелям. С того дня Сяо Цуй стала личной служанкой молодого господина.

Девичье сердце рано узнало любовь. Она росла, и в мечтах видела себя единственной спутницей Фан Цзиньяна. Она привыкла быть выше других служанок, но те не упускали случая уколоть её: «Наш барин выучится, станет большим чиновником и возьмет в жены знатную барышню. А на тебя и не взглянет — кому нужна простая девка?»

Для Сяо Цуй эти слова стали ударом. Постепенно и сам юноша, взрослея, начал отдаляться, соблюдая приличия. В её затуманенном сознании виновником всего стала система кэцзюй. Служанка верила: не будет учебы — не будет и чинов, и тогда всё останется как прежде. Он будет дома, с ней, и однажды он поймет, что никто не любит его так, как она. Лишь бы он не сдал этот экзамен!

Слушая этот бессвязный, безумный лепет, Чу Цы почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

От любви рождаются тревоги, от любви рождается страх. Эта слепая, уродливая страсть едва не погубила жизнь Фан Цзиньяна. О такой любви лучше и не знать...

Дальше начались семейные разборки, при которых гостям присутствовать не полагалось. Чу Цы и Чжан Вэньхай поспешили откланяться. Дорогой домой Вэньхай долго сокрушался:

— А я ведь когда-то завидовал Цзиньяну! Думал: иметь такую красавицу под боком — это ли не мечта? Теперь вижу, как права была моя матушка, что держала при мне только мальчишек. Бедный Цзиньян... Столько лет коту под хвост из-за этой безумной!

— Будем надеяться, что Брат Фан теперь быстро поправится. В конце концов, он пропустил всего одну задачу. Может, еще не всё потеряно?

В учебе Фан Цзиньян был даже прилежнее друга. Раз он так переживал из-за одной ошибки, значит, всё остальное было написано безупречно. Теперь оставалось лишь ждать решения

уездного начальника.

В уездной управе окна сияли огнями до глубокой ночи. Дюжина почтенных мужей в поте лица проверяла экзаменационные свитки — завтра в полдень нужно вывесить списки, и медлить было нельзя.

— О, взгляните на этот труд! — воскликнул один из судей. — Какой слог, какая глубина мысли! Написано в изящном стиле «пяньвэнь», читаешь — и словно пьешь родниковую воду.

Другие чиновники из любопытства сгрудились у его стола. Все как один признали: работа выдающаяся.

— Эх, жаль, — старый сановник отложил свиток в сторону. — Парень пропустил одну задачу по математике. Обидно, но правила есть правила.

— Безобразие! — донесся гневный возглас уездного начальника из-за соседнего стола. Он просмотрел уже десяток работ и теперь в ярости хлопал ладонью по столу. — Никакого толка в этих недоучках! Слог путаный, мысли скудные — ни ума, ни сердца!

— Не гневайтесь, господин, — примирительно отозвался помощник. — Быть может, в этой стопке найдется что-то достойное...

<http://bllate.org/book/15354/1423769>